

Анатолий КАЛИНИН:

«На волне тихого Дона»

РОСТОВ-НА-ДОНУ

СИТУАЦИЯ показалась мне необычной. Шли мы по улочкам старинного казачьего хутора Пухляковского, здоровались по деревенскому обычаю со встречными людьми, выпрашивали у них дорогу к дому Анатолия Вениаминовича Калинина. И в лицах этих людей, и в их характерном напевном говоре я замечал черты героев книг, живыми образами которых они были. Или, может быть, виной тому было воображение? Но среди хуторских домов: казачьих с узкой верандой по всему фасаду, украинских низких хаток, современных коттеджей — это уже наверняка — находили мы дома, знакомые по телевизионному фильму «Цыган», съемки которого проходили на этих улочках.

Почти сорок лет назад, сняв шинель военного корреспондента, поселился здесь, на берегу Дона, в хуторе Пухляковском, Анатолий Калинин. Здесь им были написаны повести «Эхо войны» и «Возврата нет», «Лунные ночи», романы «Суровое поле», «Цыган», «Гремите, колокола!».

Покоряет сердечная атмосфера его гостеприимного дома, дома, который хорошо знают жители соседних хуторов и станиц, потому что со всеми своими заботами и нуждами они идут сюда, к депутату Верховного Совета РСФСР А. В. Калинин.

...Анатолий Вениаминович замечательный и очень своеобразный рассказчик. Но есть у него другой, совершенно удивительный дар. Когда идешь рядом с ним берегом Дона, замечаешь, что он все время к чему-то прислушивается, сам невольно начинаешь прислушиваться и вдруг понимаешь, что твои собеседники сейчас — и эта древняя река, и сказочно красивый остров Вербный на ней, и высокие курганы с крутыми склонами, у подножия которых раскинулся хутор Пухляковский. Здесь, на берегу легендарного Дона, и началась наша беседа.

— Анатолий Вениаминович, недавно в журнале «Огонек» были опубликованы новые — пятая и шестая — части романа «Цыган», начальные главы которого вышли в свет два десятилетия назад. Расскажите, пожалуйста, как возник замысел этой книги. Почему на протяжении многих лет вы вновь и вновь возвращались к работе над ней?

— Сегодня мне трудно определить этот момент, когда зазвучал во мне «Цыган». Вспоминаю, что у нас на хуторе, вскоре после того, как я сюда приехал, поселился цыган — Иван Васильевич Андреев. Работал он у нас в колхозе кузнецом. И у Ивана Васильевича был младший брат, совсем молодой парень, лет 19, звали его Будудай. Ходил он в красной рубашке. И чем-то он заинтересовал меня. Чем — даже не знаю, сегодня трудно говорить об этом. А потом вдруг стал я вспоминать, как в войну, во время нашего контрнаступления, короткого, еще в первый год войны на Украине, я видел разваленную немецким танком цы-

ганскую кибитку. И мне сказали, что потом русская женщина на этом месте нашла ребенка. И где-то он сейчас воспитывается.

Сложилось это еще и вот с чем: у нас на хуторе есть женщина, она и сейчас еще жива — Клавдия Николаевна Чекунова. В то время она была звеневой, а позже бригадиром виноградарской бригады. Замечательная женщина, красивая, умная, ясная, прямая, одна из тех колхозниц, которые на своих женских плечах вынесли всю тяжесть военных лет. Песенница такая — бывало слышишь, она поет в виноградных садах. И мне представлялось тогда, показавшись, что такая Клавдия Николаевна Чекунова могла бы усыновить того найденного цыганского ребенка и вскормить.

А во время войны мне пришлось как военному корреспонденту «Комсомольской правды» ходить в рейды вместе с казаками Донского кавалерийского корпуса, которым командовал Алексей Гордеевич Селиванов. И вот однажды Селиванов повез меня в полевой госпиталь, где он разведчику, цыгану, вручал орден Красного Знамени. Я уже не помню фамилию этого цыгана. И это случилось. И вдруг наступил момент, когда само слово «Будудай», сама музыка этого слова стала мною овладевать, зазвучала во мне. И вот пришел тот день, когда уже не мог я не сесть за стол и не начать «Цыгана».

Почему через двадцать лет после написания возвратился опять к «Цыгану»? Вы знаете слова Пушкина: «Над вымыслом слезами обольюсь»? Будудай уже как-то зажил своей жизнью. Он все время в дороге и в этой дороге встречается с очень многими людьми, а это значит, и я с ними встречаюсь. Люди же здесь у нас живут интересно, яркие люди на Дону живут. А в дороге можно встретиться с самыми различными судьбами, после войны было много трагических, драматических судеб. Это не могло не волновать меня. Так сложилась первая часть. Но все же я думал, что закончил. И вдруг наступил момент, когда я услышал шаги Будудая у моего дома, он стал ходить по ночам и стучать в ставни дома. Так я стал его снова искать.

Иногда, когда трудно пишется, а не могу не писать о нем, вдруг так и мелькнет: «Да навязался ты на мою душу!». Но отстать не могу. Плохо ли, хорошо — теперь не мне судить, но он мне дорог.

— Судьба Будудая, наверное, сродни песне. То же самое можно сказать и о Клавдии Пухляковой, и об Андрее и Дарье Сошниковых из романа «Суровое поле», об Антонине Кашириной из повести «Возврата нет». Сам стиль ваших произведений очень напевен, мелодичен. Как вы полагаете, оказала ли какое-то влияние на ваше творчество народная песня?

— Не могла не оказать. Особенно донская песня. Вы знаете, что есть академическое собрание донских песен, автором которых является замечательный, теперь уже покойный композитор и собиратель донских народных песен Александр Михайлович Листопадов. В нашей

учительской казачьей семье всегда пели. Мать — дочь казака, отец — сын казака, а казаки очень любят песню.

Во время войны, бывало, казаки пели песни — грустные, задумчивые... Вы знаете, что донская песня очень полифонична. В донской песне отразился удел казачества, отразилась его история. Из донской песни можно больше, чем из исследований, узнать и о Степане Разине, о Емельяне Пугачеве. И в Донском корпусе я прислушивался к песне, а потом потянуло меня, когда я поблизился во время войны с донскими казаками, прошедшими такой славный путь от Терека до Австрийских Альп, — потянуло меня вот так поселиться в донском хуторе Пухляковском. Оказался он поющим хутором. После рабочего дня летом сидишь у себя где-нибудь на скамеечке во дворе и со всех сторон слышишь — поют песни. Видимо, это тоже не могло не сказаться. В песнях ведь смысл — очень глубокий, и слова — всегда отобранные точные-точные. И вот как-то песня совпадает с Доном, вот с этими склонами, горячо любимыми мной, со степью, со всем тем, что окружает меня. И поэтому на вопрос я очень твердо отвечаю: не могло это не сказаться в строке. Тем более что песня и учила, учила отбору того, что наиболее волнует народ, людей. Песня и печальная, и грустная, и веселая — она всегда была рядом. Как было не прислушаться.

— К той же напевной казачьей песне прислушивался

и Михаил Александрович Шолохов. Вас ведь связывает давняя дружба с Михаилом Александровичем. Жизни и творчеству этого замечательного человека вы посвятили книгу «Время «Тихого Дона». Как вы впервые встретились с Шолоховым? Как создавалась эта книга?

— Я прочитал первую книгу «Тихого Дона», когда мне было 13 лет. И это было, как ожог на сердце. Я сразу же, жили мы в Миллерове, засобирался поехать в станицу Вешенскую. Шла арба туда с товарами для вешенской лавки ЕПО — Единого потребительского общества. Ей надо было идти более полутора верст. До Вешек. Несколько дней. Тянули ее быки. Помню, быки были тавричанские, круторогие, такие красивые, сильные. И мы несколько дней ехали на этих быках, плыли на волнах пшеницы, ржи по этой прекрасной степи. Мне очень хотелось познакомиться с Михаилом Александровичем. Я даже видел его. Стоял и издали смотрел, как постукала почтарка к нему в дом и вышел он — молодой, в косоворотке — и взял у нее газеты. Ну, я не рискнул к нему приблизиться, только посмотрел на дом, где было создано это чудо — первая книга «Тихого Дона». И вернулся.

Знакомство же с Михаилом Александровичем произошло, когда «Комсомольская правда» направила меня в Вешенскую узнать, что сейчас пишет Шолохов, какой будет дальнейшая судьба Григория Мелехова. Он заканчивал тогда «Тихий Дон». Я приехал с Финского фронта в шинели военного корреспондента. Он цепкими, умными глазами ошупал эту мою ши-

нель. Какая-то у него, в глазах появилась грустинка, как будто он предчувствовал, что скоро в такие шинели оденется весь наш народ.

После этой встречи, о которой я написал очерк в «Комсомольской правде», были другие встречи. Я всегда ехал к нему с непередаваемым волнением. Я и сейчас еду к Шолохову с этим молодым волнением.

Все Шолохова знают по его книгам, исполненным любви к человеку, книгам, которым нет равных сегодня в мировой литературе, но не многие знают Шолохова, какой он есть в повседневности. А он остается таким же, какой он есть в книгах. Такой же изысканный и такой же простой. Это человек, я не побоюсь этого слова, необыкновенного ума, необыкновенного магнетического влияния на тех, кто с ним встречается. Он никогда не употребляет усилий, чтобы подавить человека своим величием, наоборот, он остается скромным, естественным и таким, кому нельзя ни в одном слове солгать. Он сразу поймет.

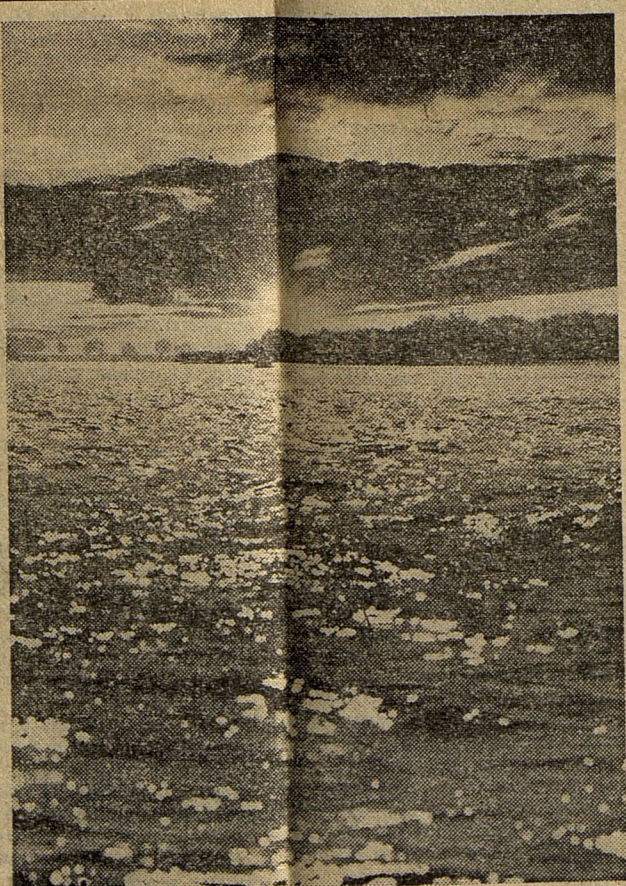
От года к году писались очерки о Шолохове. Публиковались они и в «Правде», и в «Известиях», и в «Огоньке». Книга «Время «Тихого Дона» писалась 40 лет. Я думаю, что она еще продолжится. У меня есть наброски новых глав. Будут новые встречи. Всегда непреодолимо тянет в Вешенскую. Когда выхожу на берег Дона, а сверху идет верховая волна — думаю: может быть, из Вешек пришла. У нас на этой волне много возмужало писателей. Много... И не только на Дону. На этой волне, которая впадает в океан мировой литературы.

— Перелистывая страницы вашего нового четырехтомного собрания сочинений, вышедшего в издательстве «Советская Россия», еще раз убеждаешься в том, что одна из ведущих тем вашего творчества — преодоление непонимания между людьми, между народами, борьба за мир...

— Этого не может не быть у каждого писателя, который побывал на войне. На войне мы становились военными и антивоенными писателями. Война противопоставлена природе человека. Если мы воевали, то мы были вынуждены воевать с врагом, напавшим на нашу Родину. Наша война, которую вел советский народ, была освободительной, нам казалось, что это последняя война. Нам казалось, что завоевана не только наше-му народу, не только народам Европы, а всему человечеству свобода и мирная жизнь. Так нам казалось. И не могло это не отразиться и в романе «Суровое поле», и в романе «Гремите, колокола!», и в повести «Эхо войны», и в «Цыгане». Откуда Будудай, по моему замыслу, мог вывести такую доброту и сострадание к людям? С войны, главным образом, с войны. Там он вооружился вот этим своим гуманизмом. Может показаться, что он чересчур добрый к людям, но я не боюсь этого «чересчур». Писатели сейчас должны помнить о том, что тема борьбы за мир, о чем бы они ни писали, является главенствующей сегодня. Может наступить время, когда, если мы не выиграем битву за мир, с жизнью на земле сгорит и все то, что было написано, то, что было создано нашими великими классиками, музыкантами, художниками, все ценности человеческого сгорят. Безусловно, писателя это не может не тревожить. И меня это тревожит так же, как тревожит окружающих людей. Они все время говорят об этом, думают, работают во имя того, чтобы не повторилась война, чтобы сохранился мир.

Беседу вел
Михаил АРИСТОВ

хутор ПУХЛЯКОВСКИЙ,
Ростовская обл.

Широк ты, Дон-батюшка...

Фотоэтиюд Р. ИВАНОВА